

DOI: 10.31857/S013038640016195-2

© 2021 г. Е.Ю. Сергеев

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ПОД ПЯТОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: Л.В. Ланник. ПОСЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.*Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).**E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com**Researcher ID: C-8571-2018***E.Yu. Sergeev**

EASTERN EUROPE UNDER THE HEEL OF GERMANY AND ITS ALLIES AT THE FINAL STAGE OF THE FIRST WORLD WAR

Rec. ad op.: L.V. Lannik. AFTER THE RUSSIAN EMPIRE: GERMAN OCCUPATION IN 1918. Saint-Petersburg: Eurasia, 2020. 528 p.*Evgeny Sergeev, Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Russian State University for the Humanities, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com**Researcher ID: C-8571-2018*

Новая монография молодого, но уже хорошо известного у нас в стране и за рубежом исследователя, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Л.В. Ланника продолжает цикл его работ, посвященных германской политике в отношении Центральной и Восточной Европы на различных этапах Первой мировой войны¹. Книга состоит из введения, 10 глав и заключения, а также соответствующего уровню издания научно-справочного аппарата, включающего не только обширную библиографию на нескольких языках, но и постраничные комментарии, которые позволяют читателю разобраться даже в мель-

чайших нюансах оккупационной политики держав Четверного союза (прежде всего, конечно, Германии) в отношении территорий бывшей Российской империи. Кроме того, и это стоит подчеркнуть, издание снабжено интересными фотографиями наряду с крайне необходимыми картографическими материалами, иллюстрирующими стремительно менявшуюся ситуацию в Восточной Европе в 1918 г. При этом к несомненным достоинствам монографии следует также отнести аннотацию на немецком языке и список сокращений, позволяющий читателю ориентироваться в названиях различных военных и гражданских ведомств, преимущественно Германии, а также ее союзников: Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии.

Необходимо сразу же указать, что композиционно и содержательно автору удалось достичь поставленной цели — рассмотреть характер и специфику германской оккупации территорий бывшей имперской России. После введения, которое позволило Л.В. Ланнику определить проблемно-предметное поле научного труда, а также промежуточной главы, дающей представление

¹ См., например: Ланник Л.В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая война, Версальская система и современность / отв. ред. И.Н. Новикова и др. Вып. 2. СПб., 2014. С. 274–284; Ланник Л.В., Новикова И.Н. Россия в германской стратегии 1917–1918 гг. // Россия в стратегии Великой войны / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. Кн. 2. СПб., 2014. С. 51–136; Ланник Л.В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016 и др.

о специфике оккупации российских провинций не только Германией, но и остальными участниками Четверного союза, в монографии освещаются региональные аспекты этого процесса с марта по ноябрь 1918 г. Указанная типологизация по географическому принципу не вызывает возражений, учитывая чрезвычайно широкий охват территорий, которые привлекли внимание исследователя — от Финляндии, названной автором «самым удобным сателлитом Германии на Востоке», до Закавказья, занимавшего важнейшее стратегическое положение «между тремя империями».

Говоря о замысле автора и его воплощении, заметим, что в наибольшей степени это удалось сделать в ракурсе истории локальных военных операций — прежде всего германских, в меньшей степени австро-венгерских и османских войск. Самой высокой оценки заслуживает хорошо фундированный обзор истории повседневности оккупационных режимов в Финляндии, странах Восточной Балтики, Белоруссии, Польше, Румынии, Украине, Крыме и Закавказье (с. 23–32). Данный аспект монографии с полным правом позволяет рассматривать ее как пионерский научный труд, поскольку автор впервые ставит в повестку дня современной историографии проблемы восприятия оккупационной повседневности германских, австро-венгерских и османских войск на территории бывшей Российской империи с точки зрения самих захватчиков. Полагаем, что тем самым он открывает совершенно новое исследовательское поле для специалистов в области военной психологии и имагологии.

Несмотря на то, что корпус источников и имеющийся научный задел, а также сфера личных научных интересов автора не позволили ему одинаково полно осветить развитие событий в обозначенных регионах, отметим общую проблемно-предметную сбалансированность труда Л.В. Ланника. Очевидно, что свою роль здесь сыграл детальный анализ полковых историй, который помог исследователю реконструировать крайне противоречивую картину взаимодействия военных администраций главным образом Второго рейха, хотя в отдельных случаях также Дунайской и Османской империй, не только с населением оккупированных территорий, но и с разнообразными отрядами сопротивления, включая большевиков, участников Белого движения, национальных групп и так называемых «зеленых», т.е. представителей демократического отпора интервентам со стороны крестьян и городских слоев.

Говоря об актуальности монографии, можно согласиться с точкой зрения автора о том, что

события Первой мировой войны, включая ее завершающий этап, как правило, только оттеняют вторичность процессов, характерных для периода 1939–1945 гг. В самом деле, специалисты уже неоднократно обращали внимание на использование опыта первого глобального конфликта в части, например, применения менее сильным оппонентом тактики «выжженной земли» на территориях, которым грозила оккупация войсками врагами, или возникновения партизанского движения в этих районах благодаря не столько директивам «центра», сколько недовольству обывателей, доведенных до отчаяния постоянными реквизициями их имущества со стороны военной администрации противника. В этой связи безусловной заслугой Ланника является проведенное, особенно в заключении, сопоставление оккупационной политики и восприятия ее населением в 1918 и 1939–1942 гг., т.е. периодов максимальной территориальной экспансии Второго и Третьего рейхов на востоке Европы (с. 470–478).

Попробуем теперь разобраться в наиболее значимых проблемах, которые ставит перед читателем автор монографии.

Первой из них является дискуссионный вопрос о том, вышла или нет Россия из Первой мировой войны 3 марта 1918 г.? Как считает Ланник, утверждение, что Советская республика прекратила ее, является ошибочным, поскольку «прежний облик войны на оккупированных Центральными державами территориях сменили боевые действия иного масштаба и иного спектра противостоящих сил, которые в отечественной историографии принято называть иностранной интервенцией» (с. 5). Однако данное утверждение звучит неубедительно, так как, если согласиться с ним, получается, что Советская Россия продолжила участвовать в мировой войне вплоть до 1922 г., когда иностранная интервенция, наконец, пришла к логическому концу на Дальнем Востоке вместе с эвакуацией оттуда японских войск за исключением Южного Сахалина.

Аналогичным образом требует всестороннего обоснования тезис о том, что «тотальный конфликт изменил лишь форму и структуру, превратившись в как минимум трехуровневую войну с переменчивой региональной спецификой» (с. 5). Хотя предлагаемая Л.В. Ланником интерпретация заключительной стадии мировой войны в последующих разделах получает фактическое обоснование, она не находит концептуального завершения в заключении представленного труда, заставляя самого читателя реконструировать указанные три конфликтных уровня, которые, надо думать,

включают геополитическое противостояние Германии (плюс ее союзников) с Россией, социально-классовое противоборство большевиков и их противников, а также борьбу московского (с марта 1918 г.) центра с сепаратистскими движениями на западных, южных и восточных ее окраинах. При этом, очевидно, имеются в виду разнообразные по территориальному охвату и временной протяженности вооруженные столкновения между советским правительством и возникшими национальными государствами, которые автор упорно называет «лимитрофами» — термином, несущим печать публицистичности с негативным оттенком.

Вместе с тем вполне оправданной представляется точка зрения Л.В. Ланника о «забытом» не только массовым читателем, но и специалистами характере так называемой первой (хотя автор предпочитает употреблять здесь заглавную букву) германской оккупации бывших российских имперских территорий в 1918 г. (с. 6). В этом случае исследователь абсолютно прав, потому что на страницах многочисленных трудов и популярных работ по истории Великой Отечественной войны события, отстоявшие по времени от 1941–1942 гг. всего лишь на два десятилетия, как правило, безосновательно заматываются или оцениваются без какой-либо компаративной отсылки к эпохе первой оккупации.

Трудно оспорить мнение автора и в отношении того, что историки только в самое последнее время обратились к изучению взаимоотношений оккупационных властей с национальными политическими и общественными движениями в Финляндии, Восточно-Балтийском регионе, Польше, Белоруссии и на Украине (с. 11–12). Здесь специалистам действительно предстоит еще очень много сделать, чтобы заполнить существующие лакуны, учитывая крайне пеструю и быстро менявшуюся картину таких контактов не только в политической и экономической, но и культурной сфере.

Наконец, безусловно, заслуживает внимания попытка сформулировать концепцию так называемой «Брестской системы» международных отношений как реальной альтернативы планам творцов Версальского миропорядка (с. 10, 33–70). Однако аргументация, представленная на страницах монографии, свидетельствует больше о стремлении исследователя выдать желаемое за действительное. Не лишая Л.В. Ланника права обратить внимание читателя на один из альтернативных вариантов развития международных отношений после окончания мировой войны, следует все же указать, что констатировать существование какого-то особого международно-правового порядка в Восточной Европе с гегемонией Германии и целой иерархией акторов разного уровня не представляется возможным по ряду веских причин.

Назовем наиболее существенные. Прежде всего речь идет о крайне ограниченных рамках этой «системы» — во временном (несколько месяцев 1918 г.) и пространственном (фактически территории бывших западных и отчасти южных губерний Российской империи) отношениях. Кстати, автор сам подтверждает тот факт, что «лимитрофы», а лучше сказать, вновь образованные национальные государства, предпочитали выжидать завершения мировой войны, уклоняясь от вступления в международно-правовые отношения с Германией и ее союзниками (с. 54–55), а если и шли на заключение соответствующих договоренностей, то лишь под нажимом Берлина и в тактических, но не стратегических целях. Заключение монографии свидетельствует о нестыковках в предлагаемой концепции, когда историк формулирует вывод о том, что «из-за принципиальной разницы целей “акторов” Брестской системы перспектива *устойчивого* (выделено Л.В. Ланником. — *Е.С.*) сотрудничества отсутствовала» (с. 461). Наконец, бесспорным представляется еще одно немаловажное обстоятельство: никакая новая система международных отношений не могла быть создана, пока продолжались военные действия на всех фронтах, причем не только в Европе, но и в других частях света. Ведь для ее формирования требовалось подвести черту под периодом военного времени, оценить достигнутые результаты и определить дальнейшие действия, исходя из возникшего статус-кво. Очевидно, что указанные предпосылки отсутствовали в международной жизни весны — лета 1918 г.

Таким образом, мы имеем дело не с особой «Брестской системой», включавшей, по мнению автора книги, еще и две «подсистемы — Бухарестскую и Батумскую», а всего лишь с прожектами Берлина по превращению региона Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в ту самую Срединную Европу, о создании которой грезили германские государственные деятели, опираясь на известные штудии некоторых геополитиков. В данном случае, очевидно, можно провести параллели между гипотетической «Брестской системой» и попытками некоторых польских историков предложить концепцию Версальско-Рижско-Вашингтонской системы, однако уже по результатам не только Первой мировой войны, но и локальных вооруженных конфликтов после ее завершения².

Анализируя отдельные главы монографии, отметим, что автору в наибольшей степени удалось

² См., например: *Валос М.* Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX–XXI вв. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 8–16.

раскрыть вопросы, связанные со структурой и численностью германских и австро-венгерских войск на Восточном театре войны. Много новых материалов из германских архивов и опубликованных источников на восточноевропейских языках введено Л.В. Ланником в научный оборот на страницах глав, посвященных отдельным регионам и странам. С нашей точки зрения, самой высокой оценки заслуживает освещение событий в Финляндии, Прибалтике, Польше и на Украине. В меньшей степени подробный и обоснованный анализ богатейшего эмпирического материала представлен на страницах разделов о Белоруссии, Крыме и Закавказье, хотя и в этих случаях вдумчивому читателю будет интересно познакомиться с развитием ситуации на протяжении последнего года мировой войны.

Вместе с тем общие соображения автора книги о характерных чертах оккупационного режима, которые предваряют рассмотрение региональных проблем, следовало бы, на наш взгляд, поместить во введение, которое страдает отсутствием четко сформулированных задач исследования, какими-либо пояснениями его методологии и хотя бы кратким анализом источниковой базы. Кроме того, само название книги также может вызвать вопрос: почему автор заявляет только о германской оккупации, хотя рассматривает, пусть и в гораздо меньших масштабах, также действия военной администрации союзников Берлина на захваченных территориях?

Требуют верификации некоторые утверждения Л.В. Ланника. Так, на с. 8 говорится о «вспышках массовых расправ» в отношении населения на оккупированных территориях, которые «сдерживались главным образом относительным несовершенством средств уничтожения людей» в сравнении с периодом Второй мировой войны. Но разве только менее «продвинутыми» техническими устройствами можно объяснить значительно меньшее количество репрессированных граждан в 1914–1918 гг., сопоставляя его с жертвами геноцида 1939–1945 гг.?

Далее, на с. 48 при рассмотрении ситуации на Румынском фронте необходимо точнее обосновать причины, по которым большевики, как пишет Л.В. Ланник, «затягивали ратификацию Бухарестского мира и демобилизацию старой армии» летом 1918 г., учитывая тот бесспорный факт, что последняя была практически завершена решениями советского правительства в марте того же года.

Очевидно также, что несмотря на подписание Брестского мира, поставившего советский режим де-юре в вассальное положение по отношению

к Берлину, относить РСФСР к «государствам-лимитрофам», как это делает автор на с. 59, вряд ли допустимо. Аналогичным образом некорректным представляется утверждение, будто большевики «выслали дипломатический корпус в Кандаляху в конце июля 1918 г.» (с. 147), поскольку еще остававшиеся в Советской России представители Антанты покинули Вологду по собственной инициативе в связи с провалом миссии К.Б. Радека, пытавшегося уговорить их выехать в Москву после подавления известного антибольшевистского мятежа левых эсеров³. Наконец, нуждается в более развернутом обосновании либо стилистической доработке фраза на с. 151 о том, что в августе 1918 г., когда положение большевистского режима было близко к критическому, «Ленин стремился использовать в своих целях союз с Германией», учитывая стремление Кремля всячески подчеркивать именно нейтральный статус РСФСР для сохранения возможности дальнейшего лавирования между воюющими коалициями.

Автору стоит обратить внимание на желательность именного и географического указателей, а также на тот факт, что в целом содержательный фоторяд монографии опять-таки ограничивается главным образом материалами о германской оккупации, оставляя в стороне иллюстрацию действий военных администраций других членов Четверного союза. К тому же далеко не все исторические карты, сами по себе весьма содержательные, в качестве приложений к изданию снабжены переводом названий с немецкого на русский язык, а постраничные сноски на архивные документы в основном «глухие», без указания на отправителей и адресатов либо составителей процитированных документов.

Хотя в целом язык монографии логичен и строен, встречается немало пассажей, вряд ли приемлемых в академических изданиях с точки зрения стиля и используемых автором фразеологических оборотов. Приведем только два примера указанной небрежности на с. 150–151. В первом случае вызывает недоумение следующая констатация: «Актуальность действительно масштабных усилий по образованию фронта на Севере России против немцев и/или большевиков с середины августа [1918 г.] серьезно померкла». Другой пример: «На действиях англичан (следовало бы сказать «британцев». — *Е.С.*) на Севере лежал отчетливый отпечаток операции спецслужб...» Также не

³ См. подробнее: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения. 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. М., 2019. С. 90–91.

совсем корректным с точки зрения стилистики выглядит название гл. 4 «Прибалтика в условиях полной ее германской оккупации» (с. 170). Да и постоянно употребляемое автором наименование Германии — Кайзеррейх, которое не встречается в отечественной научной литературе, являясь калькой с немецкого языка, лучше бы заменить на более привычный термин Второй рейх или Вторая германская империя.

Подытоживая, необходимо еще раз отметить, что автор стремился решить важнейшую проблему максимально полной репрезентации и объективной научной оценки событий заключительного периода Великой войны на территории Восточной Европы. По нашему мнению, со своей задачей он в целом справился успешно, несмотря на очевидные нестыковки и противоречия, относящиеся в гораздо большей степени к международным отношениям, чем к военным действиям или истории оккупационной повседневности. Впрочем, наиболее значимым представляется то обстоятельство, что своей хорошо фундированной работой Л.В. Ланник сумел обозначить крупные проблемные вопросы, которые заслуживают дальнейших углубленных исследований.

Таким образом, есть все основания утверждать, что историография, причем не только отечественная, но и мировая, получила новый содержательный труд, который будет полезен специалистам, студентам и всем тем, кто проявляет интерес к важнейшим событиям новейшей истории России и соседних с ней государств.

Библиография

Волос М. Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX–XXI вв. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011. С. 8–16.

Ланник Л.В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая война. Версальская система и современность / отв. ред. И.Н. Новикова и др. Вып. 2. СПб., 2012. С. 274–284.

Ланник Л.В., Новикова И.Н. Россия в германской стратегии 1917–1918 гг. // Россия в стратегии Великой войны / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. Кн. 2. СПб., 2014. С. 51–136.

Ланник Л.В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. М., 2019.

References

Volos M. Mesto i značenie Versal'sko-Vashingtonskoi (Versal'sko-Rizhsko-Vashingtonskoi) sistemy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XIX–XXI vv. [Place and Meaning of the Versailles-Washington (Versailles-Riga-Washington) system in the International Relations of the 19–20th Centuries] // Versal'sko-Vashingtonskaia mezhdunarodno-pravovaia sistema: vzniknovenie, razvitiye, krizis, 1919–1939 [Versailles-Washington International Law System: Emergence, Development, Crisis, 1919–1939] / ed. E.Yu. Sergeev. Moskva, 2011. P. 8–16. (In Russ.)

Lannik L.V. Nakanune “udara v spinu”: germanskaia armiiia osen'iu 1918 g. [On the Eve of the “Stab in the Back”: The German Army in the Autumn of 1918] // Pervaia mirovaia voina, Versal'skaia sistema i sovremennost' [The First World War, The Versailles System and Modernity] / ed. I.N. Novikova et al. Iss. 2. Sankt-Peterburg, 2012. P. 274–284. (In Russ.)

Lannik L.V., Novikova I.N. Rossiia v germanskoi strategii 1917–1918 gg. [Russia in German Strategy of 1917–1918] // Rossiia v strategii Velikoi voiny [Russia in the Strategy of the Great War] / eds I.N. Novikova and A.Yu. Pavlov. Bk. 2. Sankt-Peterburg, 2014. P. 51–136. (In Russ.)

Lannik L.V. Pobedonosnye proigravshie. Germanskaia voennaia elita 1914–1921 [Victorious Losers. German Military Elite in 1914–1921]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniia v 1918–1924 gg.: Ot interventsii k priznaniu [The Bolsheviks and the Englishmen. Soviet-British Relations in 1918–1924: From Intervention to Recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)